

— Товарищ Брякин, неужто здесь стрелять будем? Нам велено доставить офицеришку живым.

— Разговорчики! — рявкнул тот, которого назвали Брякиным. — Не твоего ума дело прекаться со старшим конвоиром!

Для верности он щёлкнул затвором и наставил оружие в упор на Тимофея.

— Убирайся вон, а шевельнёшься — убьем твоего дружка на месте.

Как во сне Тимофей увидел, что Всеволод бросился на охранников, рванулся князю на помощь, грянул выстрел, и он провалился в чёрную полынью забытья.

5

Очнулся Тимофей оттого, что его куда-то волокли по снегу, и голова то и дело билась о твёрдую наледь мостовой.

При очередном толчке он открыл глаза, как в перевёрнутом зеркале видя трёх человек, точнее, маленьких человечков, дружно тянувших его за ноги.

Припомнив свой рывок к Всеволоду, перекосенное яростью лицо матроса, выстрел и беспомыслие, Тимофей решил, что бредит.

Но увиденное оказалось явью: одна из фигур обернулась, и детский голос обрадованно спросил:

— Дяденька, ты живой?

— Живой, — прохрипел Тимофей, заметив струйки крови, текущей из рукава пальто, — слава Богу, живой.

Человечек снова обернулся, и Тимофей понял, что это ребёнок из подвала, предостерегавший его накануне.

— Тяжёлый, — сказал другой детский голосок, обращаясь к кому-то.

Несмотря на боль и тошноту, Тимофею стало неловко, что его тащат дети. Он попытался помогать ногами, но тело не слушалось его.

— Ты уж лучше лежи, дяденька доктор, не ерпенься, — запыхавшись, сказал старший ребёнок. — Мы знаем, где ты живёшь. До самого дома тебя доставим.

— Спасибо.

По лестнице Тимофей карабкался сам, оставляя на каменных ступеньках вязкие пятна крови.

Спасители лишь поддерживали его за спину, чтобы он не упал.

— Здесь? — парнишка показал на дверь квартиры Мокоевых.

Тимофей прикрыл глаза в знак согласия, указав пальцем на звонок. Но звонить не пришлось, дверь распахнулась сама собой, и Ольга Александровна с тётёй Симой кинулись его поднимать. Снизу на помощь бежал Пётр Сергеевич, давно разыскивавший его на улице.

— Сюда, кладите на кушетку. Так. Хорошо.

Голос отца звучал спокойно и деловито, вселяя в душу Тимофея твёрдую уверенность

в защите от всех бед этого мира: отец рядом, он заступится и спасёт. Молодой человек почувствовал, как с него снимают пальто; мелькнули ножницы, разрезавшие рукав, и в его руку легко вошла игла шприца с лекарством.

— Всё хорошо. Рана чистая. Пуля не задела кость. До свадьбы заживёт.

«До свадьбы? — удивлённо подумал Тимофей. — Действительно, ведь скоро моя свадьба». Он поискал глазами лицо невесты Зиночки, не нашёл его и, обессиленный от потери крови, заснул глубоким сном.

— Тимошка, айда купаться! — смеясь, кричала ему растрёпанная босоногая девчужка в рваном сарафанчике.

Тимошка узнал свою деревенскую подружку Любку, дочку пастуха, и улыбнулся в ответ:

— Не могу, дед Илья учит меня косить!

Он посмотрел на траву и вместо зелёной осоки увидел змей, обвивающих его ноги.

— Не бойся, Тимка, ты всю жизнь проживёшь со змейй на груди, — Тимошка вдруг увидел вместо Любки маленькую старушонку в смешной шляпке, украшенной чучелом птицы, и потрогал на шее медальон с чашей, обвитой змейй. Медальон передал ему доктор Мокеев перед тем, как отправить сына в гимназию.

— Досифея Никандровна, откуда ты взялась?

— Угадай!

Бабка запрыгала на одной ножке, как маленькая девочка, и замахала платочком.

— Скоро в России будет столько слёз, что никаких платков не хватит. Но ты не бойся, твоя доброта всегда будет спасать тебя. Только не забывай, что у тебя есть моя пуговица и кинжал. Не забывай!

Она ещё раз покрутилась вокруг себя и незаметно превратилась в Зиночку Арефьеву, его дорогую невесту.

— Пуговица Досифеи Никандровны у меня, — сказала Зина, — я всегда ношу её с той поры, как ты подарил её мне.

Она расстегнула воротничок и показала пришитую к нижней блузе пуговку.

— Видишь?

— Вижу...

Тимофей открыл глаза и встретился взглядом с отцом.

— Очнулся? Как себя чувствуешь?

Доктор Мокеев сосчитал его пульс и удовлетворённо вздохнул:

— Ранение лёгкое. Пулю я достал. Теперь необходимо хорошее питание и гигиена. Серафима ушла на рынок поменять вещи на сахар.

— Где дети? Меня принесли дети, — вспомнил Тимофей.

Отец неопределённо пожал плечами:

— Право, не знаю. Мы были так заняты твоим ранением, что не успели заметить, куда они исчезли.

Тимофей приподнялся на подушках:

— Мне необходимо их найти. Их и Всеволода.

Пётр Сергеевич потемнел лицом и приложил палец к губам:

— Тсс. При Оленьке ни слова. Она сама не своя от тревоги за Севочку. Всю ночь за вас молилась, с колен не вставала.

Пётр Сергеевич помолчал, глядя в окно на начинавшее светлеть небо.

Сколько таких рассветов видел Тимофей с тех пор, как его, круглого сироту, усыновил овдовевший доктор Мокеев. Иногда они были радостные и ясные, иногда зарождавшийся день сулил тревоги и неприятности, но ещё никогда ни один рассвет не представлялся таким мрачным и безысходным, как сегодня.

На вошедшую с чаем Ольгу Александровну было страшно смотреть. Такое выражение безысходности на её лице Тимофей видел лишь однажды — в тот день, когда газеты известили всех о гибели князя Езерского. «Погибнуть в бою — честь для русского князя», — сказала она тогда, услышав о потере мужа.

«Папа прав, молчание сейчас благо для неё. Когда нет известий, остаётся вера и надежда», — мысленно согласился Тимофей с Петром Сергеевичем. Он с благодарностью отхлебнул

горячий чай, отметив, что тёте Симе удалось раздобыть сахара. Сладкое подкрепило упавшие силы.

Покачиваясь, Тимофей встал и пошёл в ванну, чтоб умыться. Из-за двери ванной комнаты шёл неприятный запах и раздавались странные звуки, словно кто-то сморкался и плакал. Здоровой рукой Тимофей распахнул дверь, и ему прямо в ноги грязным пяточком ткнулся упитанный поросёнок с упругим колечком розового хвостика.

— Что это? — недоумённо оглянулся в поисках ответа сбитый с толку Тимофей.

— Нечего месту зря пустовать, — выплыла из гостиной соседка Дарья. Подбоченясь увесистым кулаком, она вызывающе посмотрела на бывшего хозяина квартиры. — Здесь порося жить будет. Морду можно и в кухне ополоснуть, там тоже есть раковина.

Любовно скосив глазом на похрюкивающего питомца, женщина заявила тоном, не допускающим возражений:

— Мы теперь в стране хозяева, рабочий класс. Кого хотим, того в дом и приводим.

«Порося — это не самое худшее, что может случиться», — равнодушно подумал Тимофей, морщась от боли в раненом плече. Любое движение давалось ему с трудом, но голова не кружилась, температура не поднималась, и это укрепляло в мысли, что уже завтра он сможет пуститься на поиски Всеволода.

Когда прозвучал негромкий звонок в дверь, Тимофей уже сидел в комнате, слушая новости, которые взахлёб рассказывала тётя Сима.

— Ваше сиятельство, примите мои искренние приветствия, — надтреснуто прозвучал из коридора до боли знакомый голос, и в комнату вошёл грузный господин в коричневом пальто с барашковым воротником. Его грушевидный нос, покрасневший на морозе, в тепле постепенно приобретал желтоватый оттенок, поэтому казалось, что с приходом гостя в комнате меняется освещение.

— Аполлон Сидорович! — княгиня Ольга Александровна сделала шаг навстречу старому библиотекарю, много лет проработавшему у них в особняке, и замерла, вопросительно глядя на неожиданного визитёра. — Чем обязаны вашему посещению?

— Позвольте вашу ручку, — библиотекарь-гигант стянул запорошенную снегом шапку, отчего его лысина блеснула в огромном стенном зеркале с резной рамой, и припал к руке княгини.

— Я поспешил к вам с новостью. Уж не знаю, хорошая она для вас или плохая. В наше время это трудно предугадать.

Он сделал паузу, переводя смущённый взгляд с одного лица на другое и пожимая руки всем, сидящим в комнате.

— Не томите, — поторопила его Ольга Александровна.

— Ах да.

Аполлон Сидорович неловко потоптался, сопя опустился на гнутый стул, скрипнувший под его весом, и выпалил:

— Я только что имел счастье видеть его сиятельство князя Всеволода Андреевича.

— Жив? — вскрикнула Ольга Александровна и перекрестилась.

— Жив. И даже здоров, — подтвердил библиотекарь. — Только, уж извините, синяк под глазом.

— Жив наш Севушка, — эхом откликнулась тётя Сима и, подскочив к Тимофею, чмокнула его в нос, пребольно задев за плечо, — слышишь, Тимка?

— Жив... — Пётр Сергеевич отвернулся и стал смотреть в окно, чтобы жена не заметила его слёз.

Довольный произведённым эффектом, Аполлон Сидорович принял свободную позу и облегчённо вытер лысину дамским кружевным носовым платочком, понимающе обведя глазами убитое горем семейство:

— Его сиятельство в особняке князей Езерских. В вашем бывшем особняке, Ольга Александровна, — поправился он. — Возможно, вы не знаете, но сейчас там размещается Революционный военный совет, а подвал переоборудован под тюрьму. Туда князя и заключили господа социалисты. Такие, знаете, решительные товарищи в кожаных пальто и с револьверами на боку. В то время когда к подвалу привели

Всеволода Андреевича, я получил приказ очистить библиотеку и экстренно паковал наиболее редкие книги, — он сделал паузу и обеспокоенно продолжил. — Надеюсь, вы понимаете, что я никак не мог бросить ценные экземпляры на произвол судьбы?

Аполлон Сидорович заволновался, покраснел и сжал кулачищи:

— Вы не представляете, на моих глазах, — он ткнул пальцем в переносицу, — революционные матросы разорвали на самокрутки прижизненное издание поэта Третьяковского. Вообразите! Заворачивать вонючий табак-самосад в листы, помнящие прикосновения пальцев государыни Елизаветы Петровны! Лучше бы я ослеп!

Библиотекарь с силой обхватил голову руками, словно намереваясь раздавить её, как арбуз.

— Матросы не нашли ничего лучшего, как «утешить» меня, объяснив, что выбрали самую старую книгу. Им невдомёк, что именно старые книги и представляют наибольшую ценность. О времена! О нравы!

Ольга Александровна потеряла хранителя книг за плечо, требуя ответа:

— Аполлон Сидорович, вы говорили про князя.

— Ах да.

Мужчина завозился на стуле, поджал под себя ноги, заметив, что с его башмаков уже натекла изрядная лужица, и виновато поморщился.

— Батюшка, ты всю душу вымотал, толкуй скорее, что с Севушкой, — не выдержала тётя Сима.

— Пакую я книги, нос не высовываю, — снова принялся рассказывать библиотекарь, — вдруг дверь приоткрывается, и в щёлку я вижу, как по коридору матросы ведут его сиятельство. Всеволод Андреевич растрёпан, шинель разорвана, но вид несломленный, смотрит бесстрашно и, я бы охарактеризовал, презрительно. «В расход офицерики?» — спросил конвойный у молодой комиссарши, прикомандированной к Реввоенсовету. «В кутузку. Под особый замок. Арестованного пока не трогать, — скомандовала она. — Библиотекаря с книгами из библиотеки выкинуть. Там будет комната допросов. Буржуйские книги раздать трудовому народу для протапливания печей, а этого хмыря, — она показала на меня, — выгнать на улицу и больше не пускать. Увижу поблизости — сама расстреляю». Я как это услышал, давай скорей выносить самые ценные издания. Всю ночь работал, а утром поспешил к вам — поведать о сыне. — Библиотекарь внимательно посмотрел на княгиню, ожидая её одобрения.

— Огромное спасибо, любезный Аполлон Сидорович, — искренне поблагодарила его Ольга Александровна. — Вы подарили нам хоть маленькую, но надежду на благоприятный исход.

— Погодите, погодите! — вскричал Тимофей, едва не потеряв сознание от резкой боли

в раненом плече. — Вы сказали, в библиотеке будет комната для допросов?

— Именно так, сударь, — подтвердил библиотекарь.

Тимофей с порозовевшими щеками приподнялся на кушетке и, ликуя, пояснил окружающим причину своей радости:

— Вы помните, что в библиотеку ведёт подземный ход из ротонды? Я проникну по нему и спасу Всеволода.

— Тимошенька! — княгиня стиснула пальцы, и её дыхание стало прерывистым. — Я даже не знаю, что сказать, но ты должен отбросить эту мысль. Мы не выдержим потери обоих детей.

— Ничего не получится, — отрицательно покачал головой Аполлон Сидорович, — перед тем как уйти, я заблокировал рычаг потайной двери. Теперь её невозможно открыть из библиотеки.

— Как? — ахнули хором Тимофей и Ольга Александровна.

Аполлон Сидорович пожал широкими плечами и уныло повесил нос:

— Я не хотел, чтоб захватчики знали тайны особняка и пользовались ими.

Он постучал себя кулаком по лбу:

— Балда! Балда! Балда!

— Погодите, господин библиотекарь, — перебил его стенания Тимофей, — лучше растолкуйте, каким образом можно вновь заставить работать секретную дверь.

— Весьма несложно, справится даже ребёнок, — охотно откликнулся Аполлон Сидорович, — необходимо всего лишь войти в помещение над библиотекой, там ванная комната, которую заняла комиссарша, — он покосился на княгиню, стыдливо покраснев, — и переставить местами два фальшивых крана с разноцветными ручками.

— И всё?

— И всё, — утвердительно хлопнул себя по коленке Аполлон Сидорович и выразительно округлил глаза, — никаких проблем.

— Кроме одной: как проникнуть в помещение второго этажа — в дамскую ванную комнату, — возразил Тимофей и задумался, вспоминая расположение комнат в особняке князей Езерских.

Он хорошо знал каждый его закоулочек, каждую кладовочку, потому что своими руками вместе с отцом и князьями Езерскими переделывал жилые покои под лазарет для раненых во время Русско-японской войны. Правда, вскоре после войны овдовевшая княгиня со Всеволодом переехали в квартиру доктора Мокеева, а особняк продали богатому золотопромышленнику Мухину, но, по слухам, тот не перестраивал апартаменты, гордясь их старинным аристократическим прошлым.

Тимофей подтянул к себе клочок бумаги и принялся набрасывать по памяти план особняка Езерских. Его карандаш быстро скользил по бумаге, с каждым штрихом укрепляя надежду на освобождение Всеволода.

Остаётся только придумать, как разблокировать потайную дверь!

6

Если бы не рана в плече, при каждом движении дающая о себе знать, Тимофей немедленно побежал бы в бывший особняк Езерских. Мысль о Всеволоде перебивала все остальные думы, чем бы он ни пробовал заниматься. В эти дни, находясь в неведении о судьбе Севы, отец и сын Мокеевы в полной мере оценили мужество Ольги Александровны: она никому не жаловалась, не рыдала, не терзала вопросами.

— Молчит, ровно каменная, только глаза запали, — переживала за княгиню тётя Сима, — хоть бы поплакала, стало бы легче.

Тимофей знал, что сразу же после визита Аполлона Сидоровича Пётр Сергеевич и Ольга Александровна ходили в Революционный комитет хлопотать за штабс-капитана Езерского, но их дальше ворот не пустили.

— С родителями пособников врага у нас разговор короткий, — язвительно ответил им вышедший на порог известный всему городу комиссар Урицкий, славившийся особо жёсткой позицией в отношении петербургской интеллигенции.

Секретарь датского посольства на прошлой неделе рассказывал Ольге Александровне, как за столиком ресторана Урицкий во всеуслышание

хвастался, что за один день подписал двадцать три смертных приговора и лично наблюдал за их исполнением.

«Надо готовить Севе побег», — твердо и окончательно решил Тимофей. Больше всего его занимал вопрос, как попасть в особняк и разблокировать поворотный механизм, тем более что, по словам библиотекаря, он находится в ванной комнате, принадлежащей женщине.

Переодеться дамой? Он представил себя в тёти-Симиной плюшевой жакетке и пуховом платке. Глупо.

Нарядиться рабочим или матросом? Это, конечно, можно, но Аполлон Сидорович говорил, что в Революционный совет вход по специальным пропускам, которые называются мандаты. Но даже если он легально проникнет в особняк, напичканный вооружённой охраной, то вряд ли сможет вызволить брата из темницы — днём там слишком много народа. Нет! Надо действовать тайно, ночью. Прокрасться в подвал и вывести заключённых через подземный ход в садовую ротонду. А там перемахнуть через забор, и — поминай как звали.

Тимофей пристроил ноющую руку на подушку и прикрыл глаза, припоминая далёкий летний день своего детства, когда он, улизнув через подземный ход в парк Езерских, высматривал на дереве шустрюю белку. На миг он даже ощутил порыв тёплого ветра с речушки Фонтанки, пахнувшей тиной и рыбой.

Белку он тогда так и не увидел, а вместо неё лицом к лицу столкнулся с соседской девчонкой Клавой, перелезшей через забор, чтобы разбрасывать в лазарете революционные прокламации. Что же она ему сказала? «Когда мы, революционеры, придём к власти, то царя расстреляем, попов разгоним, а всех господ в тюрьмы пересажаем, и твоего папашу не забудем». Очень злая была девчонка. Всё время травила маленькую Крысю, жившую во флигеле напротив. Нашла над кем измываться. Над малышкой, ни слова не говорившей по-русски...

— Тимочка, к тебе гостя, — заглянула в его комнату Ольга Александровна.

— Пусть войдёт. — Тимофей спешно одёрнул рубаху и сел прямо. Странно, ведь он никого не ждал.

Тихо приоткрылась дверь, и в луче света на пороге появилась барышня, прекрасная, как неземное творение искусного скульптора.

— Крыся!

— Так. День добрый. — Она стянула с рук тонкие перчатки и в волнении стиснула руки, явно не зная, с чего начать: — Пан Тимофей, я... — она смешалась, — мы договорились встретиться с паном Всеволодом, а он не пришёл в условленное место. Я волнуюсь. — Она закусила губу и часто заморгала, собираясь заплакать.

«Только этого ещё не хватало», — подумал Тимофей. Он усадил девушку на стул и серьёзно взглянул ей в глаза.

— Крысенька, не буду скрывать, произошло страшное событие. Сева арестован.

Кристинины пальцы задрожали так сильно, что она была вынуждена спрятать их в растрёпанную муфту.

— Но он жив. Надеюсь, что жив, — поправился он, — его видел один знакомый.

— Если офицера арестовали, то это конец, — побелевшими губами прошептала гостя, — большевики боятся кадровых военных царской армии и сразу их расстреливают. — Она закрыла лицо руками, но не заплакала, а только прерывисто задышала, сдерживая рыдания.

— Я спасу Севу, верь мне, — Тимофей легонько опустил руку на плечо девушке. — Мне бы только проникнуть в особняк Езерских, где его держат.

— Я помогу, — Кристина опустила руки, в сильном волнении глядя на Тимофея, — умоляю, пан Тимофей, дозвольте мне быть с вами.

Секунду Тимофей поколебался. Страшно было подвергать юную девушку смертельной опасности.

— Умоляю, — повторила она, почувствовав, что он сомневается.

И Тимофей решился. В конце концов, никто, кроме особы женского пола, не сможет заблокировать рычаг в подземный ход.

— Хорошо.

Он достал чертёж особняка и прикинул, как лучше действовать, чтобы не подвергать свою помощницу ненужному риску.

— Смотри, Кристина... — он указал на помещение ванной комнаты, — тебе необходимо попасть сюда и поменять местами вот эти два крана.

— А вода из них не потечёт? — деловито спросила Кристина, сбрасывая пальто на спинку стула.

— Нет. Это не настоящие краны, а часть механизма потайной двери, которая расположена внизу.

Девушка поняливо кивнула:

— Прекрасно.

Возможность действовать ради спасения князя Езерского придала ей новые силы. Бледные щёки загорелись румянцем, руки уже не дрожали, а голос звучал звонко и уверенно.

— Я скажу, что пришла наниматься на работу машинисткой, — предложила Кристина, — новой власти наверняка нужны образованные люди, а я, действительно, очень быстро печатаю на пишущей машинке. К тому же, мой отец всего лишь сапожник. Значит, я из рабочих, своя. И меня никто не заподозрит.

Тимофей был готов расцеловать девушку за находчивость.

— Умница!

Крыся потупилась:

— Я жизнь отдам ради вашей семьи, — она чуть помолчала и добавила: — Я всегда помню про «молочного ангела» и про куклу.

Теперь пришёл черёд краснеть Тимофею, потому что ангелом, носившим крошечной

больной Крысе парное молочко по утрам, был именно он, а свою лучшую куклу-барышню ей подарила на Рождество Зиночка. Хорошее было время: светлое, радостное...

Девушка решительно поднялась, застегнула пальто и сказала так, как сообщают о походе в лавку или к ближайшей подруге:

— Я пошла в Реввоенсовет. Постараюсь немедленно выполнить поручение. Значит, мне необходимо узнать, в каком подвале держат пана Всеволода, и поменять местами два крапа, — уточнила она напоследок, для верности сверившись с планом особняка.

Тимофей проводил её до двери:

— Крыся... Храни тебя Бог. Чуть стемнеет, я тоже подойду к особняку. Перелезу через забор в сад, попробую пробраться в ротонду и расчистить путь для побега.

А про себя с иронией подумал: «Потом останется всего ничего — раздобыть ключи от тюремной камеры и уничтожить вооружённую охрану».

7

В середине дня на двери большого доходного дома на Измайловском проспекте появилось объявление, вызвавшее большие пересуды среди его обитателей.

Старательно выведенное крупным детским почерком, оно гласило:

Инструкция для новых жильцов:

- *Кур, свиней, кроликов и коз в квартире не держать.*
- *Паркет в печке не жечь.*
- *На лестнице дрова не рубить.*
- *В ватерклозет отходы не выбрасывать.*

Домовый комитет.

— Щас, на-кось, выкуси! — подчёркнуто громко провозгласила новая соседка Мокеевых Дарья и продемонстрировала всему двору ядрёный кукиш с обкусанным ногтем большого пальца. — Как держала порося в ванной, так и буду. Мне домовый комитет не указ. Он нам сала не насолит и грудинки не накопит.

— Дело говоришь, — поддержала её жиличка из генеральской квартиры. — Это всё буржуйские выдумки. Мы люди простые, неучёные, нам ихние выкрутасы ни к чему. «Дрова на лестнице не рубить», — по слогам перечитала она указание, презрительно фыркнув. — Мой дом — хочу и рублю!

Ни слова не говоря, Тимофей прошёл между беседующими соседками, провожаемый недобрыми взглядами в спину, и повернул в запылённый снегом узкий проулок. Именно там находился подвал, в котором он впервые встретил спасших его детей.

Из приоткрывшейся форточки стрельчатого окна пахнуло терпким запахом кислой капусты, и Тимофей подумал, что с приходом

революции изменился не только облик великой столицы, но и её запахи. Раньше по центральным улицам Петербурга растекались ароматы крепкого кофе и индийского чая, распахнутые двери булочных манили тёплым духом свежей выпечки, прогуливающиеся дамы благоухали модными духами «Любимый букет императрицы», в квартирах пахло земляничным мылом и ладаном, а отнюдь не поросятами и куриным помётом...

При дневном свете дверь в привратницкую оказалась совсем крошечной, Тимофей даже удивился, что накануне смог войти в неё не пригибаясь. Он три раза постучал. Ответа не было.

«Жаль, что не застал, — подумал он, — надо обязательно разыскать этих ребят и узнать, почему они живут одни в подвале». Хотя особо удивляться не приходилось. До него дошли слухи, что приют, в котором работала его Зиночка, с приходом большевиков перестал существовать. Бог знает, куда разбрелись по миру никому не нужные девочки-сироты. Вероятно, так же, как эти дети, скитаются по подворотням, питаюсь подаванием.

Кто-кто, а Тимофей хорошо помнил, что такое сиротская долюшка. С лихвой хлебнул детского горя, когда его родителей в один день на погост снесли. Не встретиться на пути испуганного мальчонки Тимошки Пётр Сергеевич, может быть, сгинул бы он без следа, как песчинка, смытая дождём с придорожного камня...

Ещё раз безуспешно толкнув дверь привратницкой, Тимофей поспешил дальше, подсчитывая на ходу, сколько времени остаётся до сумерек, с наступлением которых он был обязан быть у Реввоенсовета.

Теперь его путь лежал на толкучий рынок, где Тимофей задумал купить пистолет. Тот, который был у Всеволода, краснофлотцы забрали при беглом обыске. Одно плохо: что делать с пистолетом и как стрелять, Тимофей не знал, в Медико-хирургической академии этому не учили. «Эх, сколько раз Сева предлагал мне научиться стрелять, а мне было всё недосуг», — пожалел он с поздним раскаянием, стараясь вспомнить, как правильно взводить курок.

Мимо него по своим делам спешили озабоченные пешеходы. Тимофей обратил внимание, что в нынешнем году люди не смотрят друг другу в лицо, словно боясь разочарования. Он почувствовал сильный толчок в раненое плечо и, ментально покрывшись потом от резкой боли, стиснув зубы, подумал, что перебраться через забор к ротонде в парке будет непросто.

«Как там Крыся?» — эта мысль терзала Тимофея похлеще любой боли. Он понимал, что в случае провала отважной девушке не будет никакой пощады — жалости большевики не знали. Всю осень город с ужасом обсуждал, как жестоко революционные каратели расправились с мальчиками-юнкерами, защищавшими во время мятежа Зимний дворец.

Сенная площадь, густо забитая народом, встретила колокольным звоном. Тимофей перекрестился, усмотрев в этом добрый знак, и стал боком проталкиваться через разношёрстную толпу покупателей и продавцов, стекающихся сюда со всех концов большого города.

Рынок, многолюдный и в прежние годы, после революции превратился в бурлящее людское варево, смешавшее в своём водовороте все слои населения.

— Сапоги покупайте, почти неношенные, — охрипшим голосом выводил мужичок, похожий на бывшего дворника, — задёшево отдам.

— Сударь, обратите внимание сюда, — деликатно тронула Тимофея за рукав дама под вуалью, — подарите своей жене изысканную брошь. Поменяю на мешок муки, — она протянула руку со сверкнувшей на солнце драгоценностью и робко улыбнулась.

— Увы, мадам, — Тимофей стал пробираться дальше, постоянно отбиваясь от продавцов, тащивших на рынок нужные и ненужные вещи.

Раздумывая, он остановился около великолепного набора хирургических инструментов.

— Осталось от покойного мужа, он был военным медиком, — увидев его заинтересованность, пояснила сухонькая старушка в беличьей шляпке.

Не в силах отойти от остро заточенных скальпелей и расширителей, боковым зрением Тимофей увидел в руках у мужика сверкнувшее воронёной сталью дуло пистолета.

— Извините, в другой раз, — он с сожалением оставил даму с инструментами и кинулся за продавцом в дублёном тулупе: — Сударь, сударь, постойте.

Мужчина остановился, выжидающе глядя на покупателя:

— Вы мне?

— Вам, — облегчённо выдохнул Тимофей, приступая к торгу.

— Стрелять умеешь? — продавец, не стесняясь народа, выудил из-за пазухи длинноствольный револьвер с перламутровой рукояткой и показал, куда вставлять пули. — Сам-то кто?

— Доктор, — коротко сказал Тимофей.

— Ну, доктор так доктор. Докторам оружие тоже не помеха, — дрогнув небритой щекой, одобрил покупку мужик. — Бывай, доктор, — он засунул в карман полученные от Тимофея золотые червонцы и моментально исчез среди шумной толпы.

Едва дождавшись сумерек, Тимофей отправился к Реввоенсовету. Пистолет заметно оттягивал карман, и Тимофею казалось, что все прохожие смотрят только на перекосившуюся книзу полу его бушлата.

Дорога была знакома до мельчайших подробностей. Именно здесь он впервые увидел Севу Езерского — худенького мальчишку, сбежавшего от своего гувернёра мистера Найтли. Суровый англичанин заставлял юного князя просыпаться в шесть часов утра, обливал холодной водой

и сажал заучивать сонеты Шекспира. Где-то сейчас этот долговязый мистер со всегда унылым, неподвижным лицом? Он оказался самым верным из всех слуг князей Езерских, не оставив должности даже после разорения Ольги Александровны. Найтли уехал из России лишь тогда, когда Сева поступил в Михайловское артиллерийское училище, оставив на память о себе добрые воспоминания и безупречный английский язык своих воспитанников — Всеволода и Тимофея. Храни его Господь!

Хруст снега из-за угла указал на приближающийся патруль. Тимофей прибавил шаг. В его планы совершенно не входило объяснение с красноармейцами.

— Проверить бы документы у господинчика, — услышал он за спиной, но не обернулся, стараясь идти как можно непринуждённой.

— Пусть идёт, — возразил другой голос, надсадно зашедшись в тяжёлом кашле. — У всех встречных-поперечных не проверишь.

— И то верно.

Звуки шагов и хруст снега переместились в противоположном направлении. Пронесло...

Тимофей сжал в карманах кулаки и подумал, что если его сейчас убьют, то Зина в спокойной Швеции может даже и не узнать об этом. Вероятно, так лучше. Потоскует немного, да и забудет о былой любви, убедившись, что их разлука послана злым роком и ничем более...

Вот и парковая решётка на высоком гранитном цоколе. Чуть дальше, в сторону набережной, на ней должна быть одна сломанная верхушка. Княгиня всё сетовала, что никак не доходят руки заказать кузнецу недостающую деталь. Тимофей приблизился вплотную к ограде, оглянулся и, прижимаясь к ней всем телом, стал подтягиваться на руках. Плечо пронзила дикая боль, и лоб моментально покрылся испариной от слабости и дурноты. «Ничего, ничего, надо потерпеть», — он опёрся коленом о цоколь, напрягся...

— Руки вверх! Не шевелись, пристрелю, — сказал женский голос, и в спину Тимофея жёстко уткнулось дуло винтовки.

Кровь прилила к лицу, а рука непроизвольно скользнула к карману с револьвером.

— Не балуй! — крикнула женщина и произнесла в сторону, обращаясь к сопровождающему. — Котов, скрути ему руки.

Щёлкнула пряжка, и запястья туго обвил кожаный ремень.

«Всё пропало, какой я дурак, даже не выждал время, не проверил прохожих», — сжал от обиды зубы Тимофей, коря себя за неосторожность. О себе он совершенно не думал, в одно мгновение мысленно представив горе родителей.

«Помирать, так с музыкой», — вспомнил Тимофей присказку своего деда Ильи и напряг мускулы, собираясь повернуться и достойно

встретить смерть, но в вое ветра, несущегося с залива, он вдруг услышал неясные звуки, сложившиеся в мозгу в чёткие слова: «Раньше смерти не умирай». Подставив лицо под леденящие струи воздуха, он вдохнул полной грудью и решительно сжал губы:

«И то правда. Покорюсь судьбе, а там видно будет».

8

— Иди вперёд, контра.

Дуло винтовки-трёхлинейки жёстко толкало в спину, причиняя боль в забинтованной руке. Тимофей понял, что бежать бессмысленно. Пришлось подчиниться. Он чуть оступился, наступив ногой на снежный комок, затем выпрямился, мимоходом заметив, что весь двор особняка Езерских забит солдатами, которые грелись у большого костра, разведённого на месте английской клумбы — гордости прежней хозяйки дома.

— Здравия желаю, товарищ Ермакова, кого ведёшь? — поинтересовался у его конвоирши вооружённый часовой в потрёпанной шинели со споротыми погонами.

— Контру поймала. Хотел через забор перелезть, хорошо, Котов помог скрутить, — сквозь зубы процедила женщина и снова провела винтовкой по Тимофеевой спине. — Поворачивай, мироед.

Он свернул с дорожки и переступил через знакомый порог бывшего особняка князей Езерских.

В детстве он переступал его сотни раз. В этих стенах прошло его отрочество, здесь был устроен лазарет для раненых воинов, но с тех пор, как Ольга Александровна продала строение, Мокеевым не довелось здесь побывать.

Его мачеха, княгиня Езерская, очень тяжело переживала продажу фамильного особняка. Порой Тимофею казалось, что вместе с родовым гнездом она продала и частицу себя самой. Переживания женщины понять было несложно: сюда она пришла молодой хозяйкой, здесь стала матерью, оплакала погибшего мужа и достойно, как от руки Божией, приняла своё разорение. Такое не вычеркнешь из жизни и не забудешь...

Скользя взглядом по просторному вестибюлю, Тимофей бессознательно отмечал изменения, произошедшие в доме за последние годы: цвет стен из голубого превратился в нежно-фиолетовый, стало больше позолоты на потолке, в нише появился камин, облицованный уральским камнем. Зато часы, отсчитавшие особняку немало счастливых зим и лет, остались прежние. Он бросил взгляд на циферблат: ровно десять часов вечера. «Представляю, как будут сходиться с ума родные».

— Теперь налево.

«Значит, в библиотеку, — понял Тимофей, — этот коридор ведёт только туда».

При Езерских на полу была длинная ковровая дорожка, красная с зелёным бордюром, он пару раз падал на ней, а теперь кругом топорщился мокрый от следов ног вздыбленный паркет, расковыранный штыками. Не поскользнуться бы.

Насчёт маршрута своего пути он оказался прав: двое часовых, нещадно дымя самокрутками, стояли именно у двери в библиотеку.

Невидимая Тимофею комиссарша втокнула его в книгохранилище, полмесяца назад бывшее нераздельной вотчиной Аполлона Сидоровича — хранителя мудрости, как любил себя именовать библиотекарь. Если бы Аполлону Сидоровичу довелось попасть сюда сегодня, он наверняка лишился бы разума, настолько ужасающим было разорение, которое предстало перед Тимофеевым взором. Полки, ранее плотно уставленные бесценными книгами, ныне были нещадно разграблены, в воздухе стоял густой запах махорки и дёгтя, а у жарко натопленной изразцовой печи валялась беспорядочная груда толстых томов, которыми так гордился Аполлон Сидорович.

— Встать у стены, — скомандовала Тимофею революционерка, резко развернувшись к нему лицом.

Конечно! Он уже видел эту женщину, и не раз, потому что перед ним стояла Клава, дочка белошвейки Ермаковой — девчонка из двора его детства. Та самая, что разносила прокламации, била стёкла в буржуйских квартирах и об-

зывала «пшечкой» четырёхлетнюю польскую девочку Крысю.

Крепкую фигуру большевички ладно облегало кожаное пальто с огромной кобурой на боку. Из кобуры торчала рукоятка пистолета. Короткие волосы слегка выбивались из-под красной косынки, романтично припорошенной снегом.

Тимофей удивился, увидев, как похорошело за прошедшие годы её и прежде красивое смуглое лицо с ровно очерченными бровями и тонким, презрительно изогнутым ртом. Клавдия его тоже узнала и, щёлкнув замком кобуры, иронично прищурилась:

— Вот и встретились на узенькой дорожке, господин хороший. На чьей стороне оказалась правда?

Тимофею не хотелось вступать с ней в беседу, и он невозмутимо молчал, спокойно глядя прямо в глаза Клавдии. Его упорство привело её в неистовство. Рывком скинув пальто, Ермакова приоткрыла дверь в коридор и скомандовала охраннику:

— Обыскать арестованного и прислать ко мне машинистку для допроса.

Солдат, беспрекословно подчиняясь, привычным движением скользнул руками по карманам пальто Тимофея, вытащил пистолет и бросил его на стол.

— Гад! Мятеж, небось, хотел поднять против мировой революции и её вождей товарищей

Ленина и Троцкого, — он злобно ударил Тимофея кулаком в скулу и с надеждой взглянул на начальницу: — Товарищ Клавдия, разреши, я эту контру сам в расход пущу.

— погоди, товарищ Егор, — комиссарша удовлетворенно облизнулась, словно сытая кошка у миски со сметаной, и устроилась в любимом кресле Аполлона Сидоровича, — мы не бандиты с большой дороги, а Революционный комитет. Должны с него снять показания по всей форме, составить протокол, а уж потом и приговор выносить. Где там новая машинистка бегаёт? Хромаёт у нас дисциплинка...

При словах «новая машинистка» шестым чувством Тимофей понял, что речь идёт о Кристине. В груди стало горячо от бешено стучавшего сердца. Он старался смотреть в пол, не представляя, какова будет их внезапная встреча.

Дверь с шумом распахнулась, и дюжий матрос, крикнув от натуги, втащил в комнату отливавшую чёрным лаком пишущую машинку «Олимпия».

— Куда аппарат?

— Туда, — Клава пальцем указала на письменный стол, где на специальной подставке яркой медной шишечкой выделялась крышка чернильницы — ручка для открытия потайной двери.

«Интересно, успела ли Крыся разблокировать поворотный механизм, расположенный в комнате наверху»? — мелькнула и тут же

исчезла короткая мысль, потому что следом за матросом в библиотеку, неслышно ступая, вошла Крыся.

— Товарищ Маша, где тебя носит? — обратилась к ней комиссарша.

«Маша? Почему Клавдия назвала Кристину Машей? — не сразу понял Тимофей, но потом до него дошло, что Крыся разумно назвалась чужим именем. — Раз Клава без тени сомнения зовёт новую машинистку Машей, значит, она не помнит Крысю — маленькую польку, жившую с ними в одном дворе».

Боясь встретиться с Кристиной глазами, Тимофей поднял голову: девушка равнодушно скользнула по нему взглядом, не изменяя выражения лица, уселась за пишущую машинку и ловко вставила в неё лист бумаги:

— Я готова.

— Пиши!

Клавдия заложила ногу на ногу и принялась диктовать:

— Протокол допроса контрреволюционного элемента, арестованного в момент преступления.

Кристины пальцы запорхали над клавиатурой, и в комнате раздался оглушительный треск, напоминающий стук града по железной крыше. Печатала Кристина мастерски.

Сопровождающий матрос с восхищением взглянул на «пишбарышню» и поскрёб в затылке:

— Ну и ловка! Хороший кадр я тебе привёл, товарищ Ермакова!

— Фамилия! — рявкнула Клава, обращаясь к задержанному.

— Тимофей Николаевич Петров-Мокеев. Врач. Сейчас безработный, — не моргнув глазом соврал Тимофей. Хоть и не любил он кривить душой, но уж лучше ложь во спасение, чем обыски и аресты в родной больнице.

Комиссарша скривилась, словно надкусила лимонную дольку:

— Доктор. В папашу, значит... Что делал здесь?

Тимофей замялся, не зная, что ответить. Сказать, что искал брата, значило только усугубить и без того непростое положение князя Езерского. Снова соврать? Но что?

Неожиданно выручил матрос:

— Над чем тут голову ломать, товарищ Клава? Вся округа знает, что к нам в Реввоенсовет завезли сахар с Пызинского склада. Вот он и лез поживиться. Гнилой народишко эти буржуйские сынки. Нет в них рабочей сознательности.

Клава выразительно хмыкнула, но ничего не сказала.

«Интересно, успела ли Крыся разблокировать дверь? — думал про себя Тимофей, механически отвечая на вопросы следовательно. — Сейчас бы оттолкнуть охрану, прыгнуть к столу да повернуть чернильницу, скрыться за

плавно отъехавшим в сторону книжным шкафом за спиной у Клавдии. А потом найти Севу, схватить Крысю в охапку — и дай Бог ноги...»

Он перехватил мимолётный взгляд Кристины. Девушка едва заметно мотнула головой из стороны в сторону, как бы сгоняя с лица непослушную прядь пушистых волос, и Тимофей понял, что разблокировать механизм она ещё не успела.

— Доктор, говоришь... — задумалась Клава. — Ну что ж, — она постучала ногтем по рукоятке пистолета, — у меня есть для вас, господин доктор, революционный сюрприз.

Она встала и отдала приказание матросу, немедленно вставшему перед ней навытяжку:

— Посадите его в пятую камеру. — Напоследок не удержалась и по-девчоночьи хихикнула, на миг превратившись в прежнюю бесшабашную заводилу с Большой Мещанской улицы: — К интересному соседу.

«Ну и хорошо, — обрадовался словам Клавдии Тимофей, — сейчас увижу Севу». Он бросил прощальный взгляд на Кристину. «Вдвоём, нет, втроём с Крысей мы обязательно найдём выход».

Под конвоем красноармейцев он уверенно прошагал знакомым лабиринтом лестниц в глухой подвал со множеством дверей — при князьях Езерских здесь были разного рода кладовые и хранилища — и подошёл к двери, с цифрой пять, написанной мелом.

— Сюда, — буркнул конвоир, — лицом к стене.

Он отодвинул массивную щеколду и втокнул Тимофея в очень тёмное помещение с тонкой полоской света, едва просачивавшегося через узкую щель под потолком.

В первые мгновения темнота не позволила рассмотреть предметы, но когда глаза чуть попривыкли, он смог разглядеть неподвижную человеческую фигуру, скорчившуюся на каких-то тряпках прямо на каменном полу.

— Сева! — бросился к узнику Тимофей.

Человек поднял голову, и молодой доктор, отропев от неожиданности, увидел устремлённые на него глаза Аполлона Сидоровича.

— Аполлон Сидорович, вы?

Голос Тимофея предательски дрогнул, выдавая душевное смятение. Такого сюрприза, обещанного шутницей-комиссаршей, он никак не ожидал.

— Увы, мой друг, я, — шевельнулся на своём ложе библиотекарь, — не выдержал, пошёл посмотреть, как книги и князюшка. И вот я здесь, в узилище, так сказать...

— А где Всеволод? — отчаянным шёпотом спросил Тимофей, пытаясь унять тревогу за брата.

— Я не знаю, где его сиятельство, — также едва слышно ответил Аполлон Сидорович, — но недавно здесь кто-то очень громко кричал нечеловеческим голосом, — он помолчал и та-

инственно добавил: — Я предполагаю, что тут ходит призрак старого князя.

— Только этого ещё не хватало, — оторопело произнёс Тимофей, с опаской подумав, что Аполлон Сидорович, очевидно, не выдержал заключения и сошёл с ума. Опыта обращения с умалишёнными у него почти не было, если не считать короткой практики в Доме призрения убогих, и как лечить душевные болезни, Тимофей представлял себе лишь в общих чертах.

Он попытался аккуратно прощупать почву, определяя степень помешательства.

— Вы уверены насчёт призрака?

Но вдруг, словно в подтверждение слов старика, сквозь запертую дверь, постепенно нарастая, послышались странные звуки:

— У-у-у-у, у-у-у...

— Слышите, Тимофей? Это не может быть человек, — дрожащим голосом выговорил библиотекарь.

Узники прислушались к то затихающим, то усиливающимся нечленораздельным воплям, нагнетающим в и без того мрачном подвале мысли о чём-то сверхъестественном, неподвластном человеческому разуму. Когда завывания затихли, раздалось ритмичное постукивание в стену: «тук, тук, тук-тук».

Аполлон Сидорович востропнулся, схватив Тимофея за руку, и торжествуя произнёс:

— Ну, что я говорил? Точно призрак!